

Е. А. Смышляев, В. И. Ибраева
E. Smyshlyayev, V. Ibraeva
г. Челябинск, ЮУрГУ
Chelyabinsk, SUSU

**ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ПОЭЗИИ
АЛЕКСАНДРА МАНИЧЕНКО
FEATURES OF SUBJECT ORGANIZATION IN THE POETRY
OF ALEXANDER MANICHENKO**

Аннотация: В данной статье исследуется субъектная организация поэзии молодого челябинского автора Александра Маниченко. Отличительной особенностью поэзии молодых уральских авторов является многоголосие и неоднородность лирического субъекта. Молодые челябинские поэты, в отличие от своих старших коллег, стараются уйти от прямого лирического высказывания и от нарочитой автобиографичности лирического «я», облачая своих героев в разные образы. В случае А. Маниченко, как показывает данное исследование, это образ творца, демиурга, стоящего над текстом, раскрывающего принципы организации своего поэтического мира. В рамках данного исследования были проанализированы две книги стихотворений А. Маниченко: «Гербарий» и «Бестиарий».

Ключевые слова: лирический субъект; лирическое «я»; субъектность; фигура автора; современная уральская поэзия.

Abstract: This article examines the subjective organization of the poetry of the young Chelyabinsk author Alexander Manichenko. A distinctive feature of the poetry of young Ural authors is the polyphony and heterogeneity of the lyrical subject. Young Chelyabinsk poets, unlike their older colleagues, try to get away from direct lyrical statements and from the deliberate autobiography of the lyrical «I», dressing their heroes in different images. In the case of A. Manichenko, as this study shows, this is the image of a creator, a demiurge, standing above the text, revealing the principles of organization of his poetic world. As part of this study, two books of poems by A. Manichenko were analyzed: «Herbarium» and «Bestiary».

Keywords: lyrical subject; lyrical «I»; subjectivity; figure of the author; modern Ural poetry.

Александр Маниченко родился 27 августа 1988 года в поселке Полетаево Челябинской области. В 2012 году закончил Литературный институт им. Горького (семинар Е. Ю. Сидорова). Шорт-лист фестиваля «Глубина» (Челябинск, 2007) и премии «ЛитератуРРентген» (Екатеринбург, 2007) в главной номинации. Лауреат премии «ЛитератуРРентген» (Екатеринбург, 2009) в главной номинации. В 2009, 2010 и 2011 годах вошел в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия». Публиковался в журналах «Воздух», «Транзит-Урал», «Урал», на сайте

«Полутона», в альманахе «Город Поэтов» (Челябинск, 2006) и др. Является автором книг стихотворений «Бестиарий» (2019), «Гербарий» (2019), «ну или вот о нежности» (2020).

В поэзии А. Маниченко в качестве лирического «я» выступают разнородные персонажи, разные маски и голоса, которые зачастую вступают друг с другом в драматургические отношения. Так, в поэтическом тексте «Сад (мистерия)» сюжет разворачивается между персонажами «земля» и «мертвая невеста». Синтез поэтического и драматургического текстов проявляется в заглавии, в котором автор представляет жанровую маркировку текста – мистерия. Также в поэтическом тексте присутствуют характерные для драматургии деления на реплики, имена действующих лиц, ремарки, мизансцены:

САД (мистерия)

*нежные мертвецы хрупкие косточки
этот старик смотрит на них и знает слишком много
его надо заткнуть
пока не разболтал государственную тайну*

---

*смерть нежна ночь еще нежней
соловьи тихие о ее любви о ее
розы вянут о ее любви о ее касаниях
о ее тонких пальцах
холодных взглядах
медленных признаниях*

---

*земля:
мне холодно приходи ложись
обнимай
расскажи мне сказку а то темно
и такая ночь*

<...>

*мертвая невеста:
мухи в моем саду в моей голове
рой мушиный жужжит
приходи ко мне ложись в траве
видишь как мир дрожит [3].*

Нелинейность лирического высказывания А. Маниченко во многом соотносится с таким явлением, как «новый эпос», манифестированным Ф. Сваровским в 2007 году в журнале «РЕЦ»: «Итак, мне кажется, что последние 10 лет в русской словесности обнаруживается качественно новое явление, которое я бы назвал "новым эпосом". Его основные внешние признаки: повествовательность и, как правило, ярко выраженная необычность, острота тем и сюжетов, а также концентрация смыслов не на реальной личности автора и его лирическом высказывании, а на некоем метафизическом и часто скрытом смысле происходящего, находящемся всегда за пределами текста» [4, с. 3–4].

В книге стихотворений «Гербарий» Александр Маниченко затрагивает тему творчества и значения поэтического искусства. Важным для понимания особенностей лирического субъекта книги «Гербарий» становится тема произведения –

сопоставление роли бога-творца и роли поэта-творца. Как известно, бог создал райский сад, полный всевозможных растений и животных. В книге же Александр Маниченко персонифицирует свое лирическое «я» – непосредственно автора. Объединяющим их началом становится возможность создавать что-то новое, процесс творения, созидания, демонстрация творческого акта.

Уже в первом сонете в двух катренах нам показаны два лирических героя – это сам бог, демиург, создавший свой сад и наслаждающийся им («сам бог гуляя по утрам...»), и лирический субъект (лирическое «я» автора) («не вянут на моих руках...»). Резкий переход от одного к другому, от третьего лица к первому («свои венки плетёт – не вянут на моих руках...») в пределах двух строк позволяет соотнести между собой различные позиции и провести параллель между образами. Лирический субъект здесь уподобляется богу-создателю, творящему началу, и творческий акт сравнивается с актом сотворения мира, но уже не физического, а пространства слов и названий. Так, перечисляя дары бога, помимо физических, материальных объектов, появляются слова – уже результат творчества поэта: «о красоты твоих даров из ветра птиц и слов...». Таким образом, следующее за этим обращение «о как твой замысел хитёр...» направлено уже не только к образу бога, но и к лирическому автору.

В шестом сонете через синтаксический параллелизм подчеркивается синкретизм образа бога и лирического автора. Выстраивается логическая связь: Бог – лирический автор и цветы – слова. Таким образом, расширяется сфера субъекта, он не просто уподобляется Богу в акте творчества, но и сам становится Богом создаваемой им реальности. Значение цветов, первоначально связанное с богом, расширяется в том числе и из-за жанровой номинации – венки сонетов, поэтому слова лирического «я» автора обретают новое значение: автор сам наблюдает и анализирует процесс своего творчества. Плетение венков из цветов равняется процессу создания стихотворения. Порою субъект начинает иронически переосмысливать самого себя – и будто смотрит на свою работу со стороны. В пятом сонете опять обыгрывается многозначность слова «венки» для данной книги стихотворений – и вот уже не просто цветы становятся символом слов, а лирическое «я» поэта открыто рассуждает о процессе своего творчества.

потом я сделаю катрен
а может быть букет
построю образы в каре
или в ритмический дуплет [2, с. 8]

Происходит так называемое разрушение четвертой стены между авторским началом и читателем, который становится свидетелем создания и к которому уже непосредственно обращается автор:

читатель может и не знать
что бархатцы шафраном можно звать [2, с. 9]

Эта особенность лирического субъекта в «Гербарии» – раздвоенность и в то же время тесная связь двух образов – Бога-творца и поэта-творца – определяют главную идею всего цикла – бессмертие поэта в его творчестве. Материальный мир у Александра Маниченко предстает прекрасным, но не вечным, хрупким. Процесс номинации, запечатление в стихе становится актом сохранения в вечности.

фиалки скромно тлевшие в кустах
теперь блистают в композициях
не вянут на моих руках
а замирают как прекрасное мгновение
бессмертны как цветы бессмертника
цветы-слова прозрачные и лёгкие как тени [2, с. 11]

Вечная тема бессмертия поэта и его творчества прослеживается и через реминисценцию, всем знакомую строку из стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» А. С. Пушкина «Мой прах переживет и тленья убежит», которая в книге стихотворений «Гербарий» встречается три раза («и тленья убегут»).

Схожие мотивы прослеживаются в ещё одном сборнике поэта – «Бестиарий». Как и в предыдущем сборнике, здесь лирический субъект предельно близок фигуре автора (повествование ведётся от первого лица). Уж в первом и втором стихотворениях задается главная идея всего сборника: возможность через творчество запечатлеть, увековечить мимолетные моменты жизни:

Неужто всё забудется, и всё?
Всё пропадёт без всякого следа
в какое-то нигде и никогда,
сгорит и растворится, или что?

Нет, если их я буду сохранять,
запоминать и в памяти держать,
рассказывать, какие они были.
Я буду их свидетель и словарь,
их предпоследняя надежда и фонарь
в закатной – я хотел сказать, конечной, –
непрозрачной пыли [1, с. 16].

Рассуждая о недолговечности мира, его печальной мимолётности («всё мимолётно, всё недолговечно. но есть изъян, печальное увечье: / все – пассажир в автобусе, и вот уже конечная»), лирический субъект отчаянно пытается найти решение проблемы конечности всего сущего: от «вещей красивых» до человеческой жизни. И опять путем к вечности становится созидающий акт поэта, который через свое творчество способен запечатлеть, «запоминать и в памяти держать».

Далее идёт положенное жанру бестиария описание живых существ, от стрекозы до ящерицы. Каждое из животных становится аллегорией человеческой жизни, тех или иных психотипов, ситуаций, людских чувств. Через эти описания лирический субъект стремится сохранить частицу мира, конечного по своей природе. Именно поэзия становится средством к достижению бессмертия. Поэтому в стихах то и дело прослеживается указание на письменную, стихотворную природу («слова висят в воздухе *дать взять*; я словно малое вплетённое в напев; любой глагол не убежит / их совка строго сторожит»).

Последние два стихотворения подытоживают весь сборник, в них лирический субъект подводит итоги своему труду. Мы видим, что изначальное желание «посетовать на неизбежный скоротечный обречённый ритм» внутри героя пере-

растает в более мощное («но ярость, слёзы, жажда жизни, крик») желание перебороть, победить течение времени. Появляющееся в конце местоимение МЫ делает эту интенцию общечеловеческим желанием, а не только волей поэта, и подчеркивает свойственное для человека стремление к вечности («чего? чего мы просим?»); «Нам мало! Мало! Мало!»; «что нам натворить?»). В итоге поэзия лирического субъекта становится способом борьбы с забвением, и финальные строчки подтверждают это превосходство творчества над беспамятством, не случайно последний стих не оканчивается точкой:

Вы победили.

Бесконечны ваши жизни [1, с. 29]

Таким образом, особенностью лирического субъекта в цикле Александра Маниченко «Гербарий» становится создание двух лирических героев: бога-творца и поэта-творца. Образ поэта-творца, он же лирический субъект, становится через ряд смысловых и синтаксических параллелей комплементарен богу-творцу. Это слияние двух образов в один творящий субъект выражает одну из главных идей двух книг стихотворений – бессмертие поэта в его творчестве и увековечивание через акт творческого созидания.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00855).

Библиографический список

1. Маниченко, А. Бестиарий / А. Маниченко. – Челябинск, 2019. – 31 с.
2. Маниченко, А. Гербарий / А. Маниченко. – Челябинск, 2019. – 36 с.
3. Маниченко, А. Стихи / А. Маниченко // Сайт «Полутона». – URL: <http://polutona.ru/?show=manichenko> (дата обращения: 03.04.2016).
4. Сваровский, Ф. Несколько слов о «новом эпосе» / Ф. Сваровский // РЕЦ. – 2007. – № 44. – С. 3–6.